

ХРОНИКИ ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

Лилия Хайбулаева

Лилия Хайбулаева

ХРОНИКИ ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73188263

SelfPub; 2026

Аннотация

Разбитое Сердце. Расколотый мир. Три наследника. Один шанс.

Пятьдесят лет Русь скована льдом. Пятьдесят лет длится зима, из которой нет выхода. Сильные рвут друг друга в клочья. Слабые замерзают у потухших очагов. А в тенях шепчутся маги, готовые добить умирающий мир.

Но в час, когда кажется, что надежды нет, наступает время тех, кто должен был погибнуть первым. Северный вождь, отвергший власть. Южная княжна, предавшая свой дом. И князь, в чьих жилах течёт кровь древних правителей.

Их ждёт дворец, где разбилось Сердце мира. Их ждёт битва с тенью прошлого. Их ждёт выбор: восстановить баланс – или стать новыми богами ледяного ада.

Время выживать закончилось. Пришло время побеждать.

Лилия Хайбулаева

ХРОНИКИ ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

ГЛАВА 1

1. ЗЕМЛИ СЕВЕРНЫХ КНЯЖЕСТВ: ПРЕДЫСТОРИЯ
ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

2. СОВЕТ КНЯЗЕЙ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

3. ПРИБЫТИЕ ЯРОСЛАВА

4. РУСЬ: ПЯТЬДЕСЯТ ЗИМ СПУСТЯ

5. ДОМ ВОЛЧЬИХ КЛЫКОВ: КРОВЬ, ЛЁД И ВОЛЧИЙ
ЗАКОН

6. КЛЯТВА НА ЛЬДУ

7. ЗА ВРАТАМИ ЛЬДА

8. ШЁПОТ ДРЕВНИХ ДУХОВ

9. ПЕСНЯ, ЧТО ОСТАНОВИЛА ВОЙСКО

ГЛАВА 2

1. ДОМ ЗОЛОТОГО ТЕРЕМА: ИНТРИГИ ПОД ПОЗО-
ЛОЧЕННЫМИ СВОДАМИ

2. ПОЗОЛОЧЕННЫЕ ТЕНИ

3. СУМРАК НА ЗОЛОТЫХ СТЕНАХ

4. ПОЛЁТ МЕДНОЙ ЗАРИ

5. СЕРДЦЕ ЛЬДА И ОГОНЬ ДУШИ

6. ПРОБУЖДЕНИЕ МОРОЗНЫХ ОСКОЛКОВ

7. ПЕПЕЛ ПОБЕДЫ И ТЕНЬ ЗОВА
8. РАСПУТЬЕ У КРОВАВОГО КАМНЯ
9. ВРАТА ЗАБВЕНИЯ
10. ОБРАТНЫЙ УДАР

ГЛАВА 3

1. БРАТСТВО ЧЁРНОГО ПЛАЩА: УЗНИКИ И ХРАНИТЕЛИ БЕЗДНЫ
2. СБЛИЖЕНИЕ СТИХИЙ
3. ДОРОГА К РАЗЛОМУ МИРА
4. ВХОД В ЧЕРЕП ИМПЕРИИ
5. ФИНАЛЬНАЯ СХВАТКА: ТРИ СЕРДЦА

ГЛАВА 1

ЗЕМЛИ СЕВЕРНЫХ КНЯЖЕСТВ: ПРЕДЫСТОРИЯ ВЕЧНОЙ ЗИМЫ

Давным-давно, когда мир был юн и дышал чудесами, а магия струилась под корнями деревьев и в жилах гор, простирались на севере суровые и прекрасные земли. Ныне их зовут Землями Северных Княжеств. Они рождались от поцелуя полярной звезды и гнева ледников: на крайнем севере, где ветер вырезал из скал причудливые башни, а тундра хранила молчание древнее самого времени; и на юге, где дремучие леса, словно исполинская стража, шептались с бурей, а в их непролазных чащах таились духи – неупокоенные, муд-

рые, помнящие клятвы, данные ещё солнцу.

Эпоха единства: династия Рюриковичей-Снежных, тогда княжества были единым целым, сплетённым не только договорами, но и волей одного рода – династии Рюриковичей-Снежных. Их имя стало легендой, синонимом власти, отточенной как лезвие льда, мудрости, холодной и безошибочной, и силы, неумолимой, как движение ледника.

Предание гласит, что прародитель династии, Рюрик Снежный, отыскал в сердце спящей горы Ледяное Сердце. Кристалл, рождённый в час, когда первая звезда пронзила перволёд. Сотканный из слёз небес и дыхания земли, он хранил равновесие – не давая теплу иссушить мир, а холоду – обратить его в камень.

Ледяное Сердце даровало своему владыке:

- Власть над холодом: одним взглядом можно было вызвать из безветрия метель, превратить реку в стеклянный путь, возвести из ничего стены сверкающего льда.

- Шёпот зимы: способность слышать голоса духов, рождённых из инея, порыва ветра и забытых обетов, и повелевать ими.

- Силу единства: ибо кристалл был не просто оружием, но залогом – пока он цел и в верных руках, раздор не пожрёт северные народы.

Рюрик провозгласил на все земли: «Пусть сердце льда бьётся ради жизни, а не смерти». И на долгие века воцарился мир, отголоски которого теперь зовутся сказкой.

Начался Золотой век и появились первые трещины. Столетия текли, как полноводные реки. Рюриковичи правили твёрдой рукой, но справедливо. Их Ледяные Дворцы – не крепости, а песни, застывшие в хрустале, – сияли под северным сиянием. Они водили дружбу с духами тундры, одаривали лесные племена тёплыми дарами, а южным купцам продавали лёд, не таявший даже у очага.

Но с миром пришло забвение. С сытостью проснулась гордыня.

К правлению князя Святозара – последнего законного наследника по крови – в княжествах уже ползли, словно ядовитый дымок, зависть и шепот. Богатые солнцем и хлебом южные земли роптали: «Зачем нам платить дань зиме?». Вольнолюбивые северные кланы бурчали в темноте: «Святозар слишком мягок. Он слушает шептунов-волхвов, а не зов своей крови».

А в самой глубине, в подземельях и забытых манускриптах, ширилось Братство Чёрного Плаща – орден магов, уверовавших, что Ледяное Сердце можно не просто использовать, но перековать, обратив из символа равновесия в источник силы, которой не будет предела.

Гибель Святозара привела к началу Вечной Зимы. Всё рухнуло в одну ночь, ставшую прологом к бесконечной тьме.

Святозар собрал Великий Совет Князей в Центральном Дворце, в сердце земель. Он надеялся утолить распри словами, прежде чем они хлынут кровью. Когда тяжёлые дубовые

двери тронного зала распахнулись наутро, князя нашли сидящим на троне.

Его тело было покрыто узорным инеем, проступившим из-под кожи, будто холод убил его изнутри. Ледяное Сердце на пьедестале потускнело, его внутренний свет угас, оставив лишь слепой, мёртвый кристалл. Воздух был неподвижен и густ от запаха свежего снега и чего-то чужого – тени, которой не место среди живых.

Истину поглотил мрак. Остались лишь отравленные шёпоты:

- Предательство – кто-то из ближних князя выдохнул в его спину заклятье вечного сна.

- Гнев сердца – артефакт, почувствовав грядущий разлад, сам отверг недостойного хранителя.

- Рука Братства – маги попытались вырвать силу, но сорвали печать, которую не могли контролировать.

Как бы то ни было, с последним вздохом Святозара баланс был сломан.

Вечная Зима: проклятие земель

В тот же миг небо над княжествами захлопнулось свинцовой плитой туч. Солнце померкло. Пошёл снег – и не прекратился ни на день. Так началась Вечная Зима.

Её признаки стали новой реальностью:

- Вечный сумрак. Солнце – лишь бледное привидение за плотной пеленой, не дающее тепла, только намёк на свет.

- Морозные призраки. Души павших в первых стычках не

нашли упокоения. Они бродят по ночам – полупрозрачные, источающие лютый холод, шепчущие проклятия имена тех, кого утащили за собой в небытие.

· Замёрзшие надежды. Нивы южных земель сковал камень льда. Хлеб не родится. Жизнь держится на скудных запасах и удаче охотника.

· Раздробленность. Княжества захлопнулись, как раковины. Каждый правитель провозглашает себя истинным наследником, но никто не может пробудить Ледяное Сердце. Оно молчит, будто выжидает.

Появились три пути во тьме. Спустя полвека мир раскололся на три силы, три ответа на общую беду:

· Северные кланы (Дом Волчьих Клыков).

Лидер: князь Рогволд. Вождь, высеченный из гранита и льда, верящий, что спасение – в оскале и когтях, в возврате к древним, жестоким обрядам.

Идея: «Зима – не проклятие. Это горнило. Мы должны закалиться в нём, стать сильнее, как волки, что выживают, когда слабыедохнут».

Действие: кровавые жертвоприношения духам тундры, воспитание воинов, для которых метель – родной дом.

· Южные земли (Дом Золотого Терема).

Лидер: княгиня Милава. Ум хитрой лисы, обёрнутый в бархат дипломатии. Мечтает собрать осколки мира не мечом, но словом и хитросплетением союзов.

Идея: «Зима – болезнь, а всякую болезнь можно исцелить,

отыскав верное снадобье».

Действие: поиски легендарного «солнечного стекла», что хранит тепло, и тонкая игра на противоречиях врагов.

· Братство Чёрного Плаща.

Лидер: архимаг Велемир. Бывший советник Святозара, исчезнувший в ту самую ночь. Теперь – тень с горящими в темноте глазами.

Идея: «Зима – не конец, а дверь. Сломав печать Сердца, мы откроем её и станем богами нового мира».

Действие: тайные ритуалы в глубинах земли, охота за последней каплей крови Рюриковичей – единственным ключом, способным пробудить артефакт.

Родилась легенда о последнем наследнике. В деревнях, у дымных очагов, шепчутся: не все Рюриковичи погибли. Будто бы у Святозара был сын, рождённый в тайне, – Ярослав. Младенца спрятали в глухой глуши, чтобы уберечь от ножей убийц.

Он вырос, не ведая о своём роде. Но в час гнева или страха вокруг его пальцев вьётся ледяной туман. А во снах к нему приходит Женщина в Белом – то ли призрак матери, то ли сама душа зимы. Её шёпот пронизывает сон насквозь: «Ты – последний ключ. Но готов ли ты заплатить цену?»

Что ждёт земли?

Ледяное Сердце всё ещё лежит в Центральном Дворце – безжизненное, но не мёртвое. Его мощь дремлет, как сердце спящего дракона.

· Если его уничтожить – зима отступит, но уйдёт и магия, а мир станет плоским и обыденным, лишённым чуда.

· Если пробудить неправильно – холод станет абсолютным, а призраки обретут плоть, став армией нескончаемой тьмы.

· Если наследник найдёт путь – баланс, быть может, будет возвращён. Но для этого ему предстоит выбрать: простить или покарать, объединить или подчинить, жить или принести себя в жертву.

Вечная Зима длится уже пятьдесят лет.

Но где-то в глухой деревне Ярослав сжимает кулак – и между его пальцами рождается, шипя, ледяной дымок.

СОВЕТ КНЯЗЕЙ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Тронный зал Центрального Дворца дышал холодным величием. Громадные люстры из цельного льда свисали со сводов, как сталактиты, и их призрачный свет разбивался о мраморный пол, рождая дрожащие тени. В центре, на троне, вырубленном из сердца ледника, сидел князь Святозар. Его белоснежная шуба, отороченная мехом полярного волка, казалась продолжением трона. Лицо – бледная маска сосредоточенности, с фиолетовыми тенями под глазами – выдавало непомерную тяжесть короны.

Вокруг, словно каменные изваяния, замерли правители Севера:

· Ратибор из Дома Волчьих Клыков в шкуре медведя, с се-

кирой у ног. Его глаза, узкие и острые, сверкали, как обсидиан во льду.

· Милава из Дома Золотого Терема в парче, шитой золотом и янтарём. Её красота была холодна и точна, как геометрический узор.

· Воеводы, старейшины лесных племён – пёстрая мозаика мехов, металла и насторожённых взглядов.

В глубине зала, за тяжёлым гобеленом, таилось Братство Чёрного Плаща. Их лица скрывали капюшоны, а пальцы впились в посохи с тёмным, жадно поглощающим свет хрусталём.

Перед тронем на алтаре из чёрного мрамора покоилось Ледяное Сердце. Оно пульсировало ровным, сонным светом. Руны на его гранях то загорались, то угасали, словно кристалл дышал.

– Князя и воеводы! – Голос Святозара, чистый и твёрдый, как удар клинка о лёд, разрезал тишину. – Узы, столетия скреплявшие нас, трещат по швам. Мы стоим над пропастью. Не дадим же нашим детям родиться в мире войн!

Милава наклонилась вперёд, и её голос зазвучал сладко, как мёд, и остро, как отравленная игла:

– Пропать? Или возможность, князь? Время безраздельной власти одного рода прошло. Дом Золотого Терема предлагает новый путь – Совет Земель, где каждый голос будет услышан.

Ратибор хрипло рассмеялся, и смех его был похож на

скрежет камней:

– Совет? Ты хочешь, чтобы волки советовались с овцами? Сила – в крови и стали, а не в чернильных кляксах! Нам нужно не дробить власть, а закалить её в огне!

И тут из тьмы за гобеленом прозвучал голос, низкий и вязкий, как смола:

– А может, сила не во власти людей вовсе? Может, она вот здесь, перед нами? И ею не нужно управлять. Ею нужно овладеть.

Воздух в зале застыл. Слова повисли, как ледяные сосульки, готовые обрушиться. Святозар вскинулся, его пальцы впились в подлокотники:

– Молчать! Сердце – не добыча для ваших алчных душ! Оно – щит, а не меч!

Внезапно кристалл вздрогнул. Голубое сияние вспыхнуло, превратившись в ослепительно-белое. Руны запылали кроваво-алым, складываясь в зловещие, нечитаемые знаки. Из самой сердцевины артефакта вырвался призрачный силуэт – Женщина в Белом, её лицо скрывал узорный иней. Голос её был шелестом метели, скользящим по коже:

– Предательство уже здесь. Оно дышит за вашими спинами. Кровь прольётся, если раскол не остановить.

Князя вскочили. Милава отпрянула, Ратибор рванул секиру. Дух простёр прозрачную руку:

– Один из вас носит в груди смерть. Он уже продал тень свою...

И в этот миг из-за гобелена вышел Велемир. Его глаза пылали холодным, нечеловеческим огнём. На губах играла улыбка, от которой стыла кровь.

– Довольно слов, князь. Время говорить истекло. – Он вскинул руку, и из ладони вырвался сгусток живой тьмы, прямо в грудь Святозара.

Святозар вскрикнул, пытаясь поднять щит из воздуха. Ледяное Сердце отозвалось – из него хлынула лавина ослепительного, пронзительного холода. Две силы – чёрная пустота и яростный лёд – столкнулись в центре зала с грохотом, от которого задрожали стены.

Треск. Глухой, страшный звук, будто ломается хребет мира.

Ледяное Сердце покрылось паутиной трещин. На миг всё залил слепящий свет – а затем кристалл взорвался. Тысячи осколков, острых как бритва, со свистом вонзились в стены, в пол, в драгоценные одежды. Один из них, длинный и тонкий, как игла, воткнулся в грудь Святозара.

Князь медленно осел на трон. Иней мгновенно пополз по его лицу, по рукам, заплетая его в саван из собственного дыхания. Последний вздох вырвался облачком пара и замер в воздухе хрустальной скульптурой.

Тишина. Лишь тихий звон падающих осколков да тяжёлое, прерывистое дыхание потрясённых властителей. Велемир растаял во тьме, будто его и не было.

А за высокими окнами дворца, в крошечной тьме, без-

звучно начал падать первый снег Вечной Зимы.

ПРИБЫТИЕ ЯРОСЛАВА

Серый рассвет цеплялся за зубцы стен Центрального Дворца, когда в распахнутые ворота въехал всадник. Это был Ярослав. Высокий, сухопарый, с лицом, отточенным лишениями, и глазами цвета зимнего неба – в них светились решимость и глубокая, звериная усталость. Одет он был в потёртую волчью шубу, за спиной – простой лук, на поясе – нож. Он был похож на десятки других выживальщиков, скитающихся по замёрзшему миру. Пока не пришло его время.

Стража в ледяных, покрытых инеем доспехах преградила путь. Командир, лицо которого напоминало потрескавшуюся кору, выступил вперёд:

– Стой! Чужой, в сердце Северных Княжеств путь заказан. Убирайся, пока цел.

Ярослав остановил коня. Дыхание его превращалось в клубы пара. Медленно, не торопясь, он снял рукавицу и поднял обнажённую руку. Воздух вокруг пальцев заколебался, застыл и вспыхнул снопом ледяных искр, затанцевавших в такт его пульсу. Стражники отшатнулись, как один.

– Я пришёл не как чужой, – голос Ярослава был тих, но звенел, как натянутая струна. – Я пришёл за наследством. Я – Ярослав. Последняя кровь Рюриковичей. И я должен увидеть то, что погубило моего отца.

Вестбиль дворца встретил его гробовым холодом и всепо-

глощающим молчанием. Мрамор был покрыт толстым слоем инея, с арок свисали ледяные сталактиты, похожие на слёзы гиганта. Воздух пах снегом, пылью и чем-то древним – памятью о тепле.

Юноша шёл по бесконечным коридорам. Со стен смотрели лики предков с фресок – суровые, безжалостные, будто спрашивая: «А ты-то кто, чтобы идти по нашим следам?». Тени скользили за ним по пятам, шепча неслышные предостережения.

Тронный зал не изменился за полвека. Он был музеем одного мгновения, катастрофы, застывшей во времени. Развороченный пьедестал, где лежало Сердце. Трон из голубого льда, укутанный саваном из паутины и инея. Трещины на полу, чёрные, как шрамы. И призраки. Они витали в углах – полупрозрачные, искажённые болью и холодом фигуры. Это были души, павшие в междоусобицах. Они шептали, плакали, простирали к нему ледяные руки.

– Уйди... – прошипел один, и его голос был свистом ветра в щели. – Живым здесь не место. Только смерть ждёт тебя.

Ярослав не отступил. Он выдохнул, и из его уст вырвалось облако ледяной пыли, сформировавшее перед ним мерцающий щит. Призраки отхлынули с тихим шипением, словно от огня.

– Я не чужой, – повторил он, твёрже. – Я сын Святозара. И я пришёл положить конец этой зиме.

Из тени прямо перед тронном материализовалась фигура

в чёрном плаще. Велемир. Капюшон скрывал лицо, но глаза горели в темноте, как два уголька. Его губы растянулись в улыбке, лишённой тепла.

– Ну вот и он. Царевич из грязи. Думаешь, твоя кровь что-то значит? Думаешь, она даст тебе право на этот трон? – Он обвёл рукой мёртвый зал. – Всё, что здесь было, рассыпалось в прах. Ты опоздал на целую эпоху, мальчик.

Ярослав сжал кулаки. Вокруг них завихрился морозный туман.

– Я пришёл не за троном. Я пришёл, чтобы исправить то, что сломали вы. Остановить Зиму.

– Остановить? – Велемир рассмеялся, и смех его был похож на скрип льда под тяжестью. – Её уже не остановить. Её можно только... возглавить. Или стать её жертвой. Есть путь. Но цена – не для слабых духом. Хочешь знать? Следуй. – Он сделал шаг назад, в глубокую тень у стены. – Но помни: обратной дороги нет.

Ярослав замер. В его груди билось сердце, готовое вырваться наружу. Страх говорил ему бежать. Долг – идти вперёд. Сделав глубочайший вдох ледяного воздуха, он кивнул.

– Веди.

Тень Велемира растворилась в потайном проёме, которого секунду назад не было. Ярослав шагнул в чёрный зев, не зная, что ждёт его внизу – истина, гибель или то, что страшнее обоих этих вещей.

А в тронном зале призраки завывали тихо, на разные голо-

са, провожая наследника взглядом, в котором смешались надежда и отчаяние.

РУСЬ: ПЯТЬДЕСЯТ ЗИМ СПУСТЯ

Пятьдесят зим. Пятьдесят лет, как мир застыл на одном леденящем вдохе. С того дня, когда разбилось Ледяное Сердце, Русь не живёт – она доживает. Былые союзы рассыпались, как трухлявое дерево, и каждый осколок княжества теперь тянется к солнцу, которого нет, отражая в себе лишь собственную, искажённую правду.

Дом Волчьих Клыков: ярость, скованная льдом.

На крайнем севере, где ветер точит скалы, а мороз – лучший кузнец, Дом Волчьих Клыков выковал себе новую веру. Они отвернулись от южной изнеженности и политики, уйдя в глубь древних ритуалов. Их воины стали тише снега, жестче вечной мерзлоты, а глаза их отражали не мысли, только бесконечную, готовую к прыжку готовность.

Их вождь, Ратибор, носил на шее клык инеевого медведя – трофей и проклятие в одном. Он был уверен: падение Святозара – кара за то, что род забыл суровую мудрость предков. По ночам он шептал духам: «Мы разучились слушать лёд. И теперь лёд слушает нас». В его взгляде жила неумолимая жажда – не власти, а искупления.

Клан стал притчей – не воюет открыто, но и не сдаётся. Они – сама тундра: безмолвная, неумолимая, терпеливая.

Дом Золотого Терема: позолоченная гниль. На юге, где

снег хоть немного тает, Дом Золотого Терема выстроил крепость из интриг и позолоты. Милава, выжившая в ночь предательства, превратила клан в идеальную машину для выживания. Её дворец сиял, как последняя надежда, но в его покоех пахло страхом и предательством.

На её диадеме из янтаря, говорят, застыли слёзы, пролитые в ту ночь. «Сила – в знании, а знание – в чужих секретах», – учила она. Но за этим фасадом скрывалась ледяная пустота. Она понимала: без магии Ледяного Сердца её власть – карточный домик, а союзники в любой миг могут стать палачами.

Клан богател на торговле и шпионаже, но его душа черствела. Они стали парадоксом: чем ярче их свечение, тем гуще тень, которую они отбрасывали.

Братство Чёрного Плаща: тени в тенях. Братство ушло под землю, в лабиринты, где не ступала нога человека. Архимаги, ведомые тенью Велемира, рылись в запретных знаниях, пытаясь слепить из осколков Сердца новую силу. Их ритуалы калечили не только мир, но и их самих – некоторые члены ордена стали существами промежуточными, полулюдьми-полудухами, вечно страждущими холода.

Сам Велемир, чья жизнь продлена тёмными чарами, носил плащ, казавшийся сшитым из самой ночи. Его глаза светились алым – не огнём, а тем холодным свечением, что бывает у гнилушек в глубине пещеры. Каждое его заклинание было сделкой с самой Вечной Зимой, и цена платилась душа-

ми – чужими и, как шептались, по капле, своей собственной.

Русь: лоскутное одеяло хаоса. Между этими полюсами раскинулось лоскутное царство хаоса:

- Восток погрузился в кровавую анархию, где правят банды, поклоняющиеся жестоким духам леса.
- Запад стал вечным полем битвы мелких князьков, сражающихся за клочок незамёрзшей земли, за мешок зерна.
- Центр превратился в ледяную пустыню – города-призраки, поля-надгробия, дороги-ловушки.

И над всем этим – Вечная Зима. Снег, что идёт даже в часы, отведённые для солнца. Реки, что замирают в одном порыве. Люди шепчут: это не погода. Это – проклятие. И они ждут. То ли избавителя, то ли конца.

Но в этом ледяном аду тлеет искра – слух. Шепот о последнем наследнике, Ярославе. Одни верят в него, как в сказку, что греет душу. Другие смеются, называя это утешением для слабых. Но все, от князя до последнего крестьянина, чувствуют: баланс вот-вот рухнет. И когда это случится, спасение обернётся новой бедой, а надежда – последним разочарованием.

Русь замерла на лезвии ножа. Готовая рухнуть в пропасть. Или сделать шаг – в неизвестное.

ДОМ ВОЛЧЬИХ КЛЫКОВ: КРОВЬ, ЛЁД И ВОЛЧЬИЙ ЗАКОН

В землях, где ветер вырезает из камня песни, а солнце –

редкий гость, правит князь Рогволд, старший сын Ратибора, наследник Дома Волчьих Клыков. Ему тридцать пять зим, и каждая оставила на нём свой шрам: этот – от когтей ледяного духа, та морщина – от ночи у жертвенного костра, а взгляд... Взгляд холоден и ясен, как небо перед бураном. Рогволд: князь-воин, князь-жрец.

Он не просто правитель. Он – воплощение воли тундры. В его жилах течёт кровь Рюриковичей-Снежных, но он отверг их «книжную мудрость». Для него истина проста и сурова, как клинок: сила в верности древним обрядам, в союзе с духами, в безжалостной честности зимы. Его девиз выжжен в сердце каждого соплеменника: «Зима – не проклятие. Это горнило. Кто выстоит – станет волком. Кто дрогнет – станет снегом под нашими ногами».

Он высок, широк в плечах, с телом, высеченным сражениями и холодом. Волосы – чёрные, как смоль, заплетены в косы с вплетёнными волчьими клыками. Плащ из шкуры белого медведя лежит на его плечах тяжёлым, царственным бременем. А в руке – Секира Ветра. Топор с лезвием из закалённого во льдах бури металла, который, как веруют, впитывает ярость северного ветра.

Семья Ратибора – это четыре стихии одного рода. У старого Ратибора было четверо детей, и в каждом – грань души клана:

· Рогволд – князь, вождь, голос духов. Камень, о который разбиваются бури.

· Брячислав – воевода, командир дружины. Груб, прямолинеен, как удар тарана. Его вера: «Слова выветриваются. Дела – остаются».

· Мстислав – лучший охотник и следопыт. Глаза, видящие след на чистом снегу, уши, слышащие шёпот вьюги. Молчалив, как сама тундра.

· Забава – хранительница песнопений, «Голос Тундры». Не держала в руках меча, но её песни, как говорят, могут унять бурю и усмирить духа.

Под началом Рогволда клан живёт по Закону Предков:

· Жертвы духам. Каждое новолуние на холме Каменный Волк пылает костёр из можжевельника и костей священного оленя. Рогволд, обнажённый по пояс, взывает к силам холода: «Кровью – плачу, сердцем – верю, душой – клянусь. Даруйте нам крепость льда и зоркость волка!». В ответ приходят знамения: волчий вой, узоры инея на камнях, лики в пламени.

· Испытание Метелью. С десяти зим детей оставляют в тундре на три дня с ножом и огнивом. Возвращаются не все. Выжившие получают тату – волчий след на предплечье – знак, что они теперь часть стаи.

· Совет Девяти. Рогволд правит не один. Девять старейшин, выдавших не одну Вечную Зиму, имеют голос. Их слово – закон, даже для князя.

Но и в этом монолите есть трещины. Брячислав ропщет на «шаманские пляски» брата. «Духи не напоят дружину! –

гремит он. – Надо идти на юг и брать своё!». Мстислав всё дальше уходит в тундру. «Я слышу зов, – говорит он. – Не наш. Древний». Он чувствует пробуждение чего-то, что не вписывается в их мир. Забава видит сны: человек с глазами из льда идёт по замёрзшей реке. Она знает – это весть. Но боится сказать братьям: Рогволд не терпит «бабьих гаданий».

Ветер выл, срывая снег с вершин. Рогволд стоял на алтаре голый по пояс, кожа покрылась ледяной коркой. В руках он держал ещё тёплое, дымящееся на морозе сердце оленя.

Вокруг, в почтительном молчании, замерли дружинники, старейшины, дети, прошедшие Испытание. Лишь вой ветра да отдалённый ответ волчьей стаи нарушали тишину.

Рогволд воздел дар к небесам, и его крик разорвал тьму: – Духи тундры! Мы – плоть от плоти вашей! Не просим тепла! Просим силы! Дайте нам выстоять в том, что грядёт!

Сердце полетело в костёр. Пламя взметнулось, стало синим, и в его языках на миг проступил силуэт исполинского волка – праотца клана.

Потом огонь погас. Наступила тишина, густая и звенящая. Рогволд знал: это было не просто знамение. Это было предупреждение.

КЛЯТВА НА ЛЬДУ

Ветер, острый как нож, выл в ущельях Каменного Волка. На самой вершине, плечом к плечу, стояли четверо: три брата и сестра. Кровь Ратибора. Стая.

Рогволд сжимал рукоять Секиры Ветра. Лезвие тускло отсвечивало в предрассветной мгле, будто впитывая последние капли ночи. Его взгляд скользнул по родным лицам: по жёсткой складке у рта Брючислава, по затаённой глубине в глазах Мстислава, по трепетному, как первый иней, румянцу на щеках Забавы.

– Сегодня, – его голос прозвучал низко и густо, будто удар по натянутой шкуре, – мы дадим клятву. Не князя и подданных. Не вождя и дружины. Клятву брата и сестры. Тех, кто делил один очаг, одну боль, одну кровь.

Брючислав хмыкнул, но в его глазах не было насмешки – лишь суровая серьёзность. Он положил мозолистую ладонь на плечо Рогволда:

– Я, Брючислав, клянусь: пока во мне бьётся сердце, мой топор будет твоей щекою. Моя рука – подхватит тебя, если споткнёшься. Моя ярость – обрушится на того, кто посмотрит на тебя со злом.

Мстислав, вечный молчун, шагнул вперёд. Его пальцы, знающие тетиву лучше ласки, дрогнули, прежде чем лечь поверх руки Брючислава.

– Я, Мстислав, клянусь быть твоими глазами в метели и ушами в тишине. Клянусь выследить врага, прежде чем тот почувёт нас. И не утаю ни одного знака, ни одного шёпота тундры – даже если в нём будет смерть.

Забавы вздохнула. Её дыхание стало облачком, и в её глазах, таких юных и таких старых, вспыхнуло что-то древнее.

Она подняла руки, и ветер внезапно стих – замер, прислушиваясь.

– Я, Забава, клянусь петь песни, что усмиряют бурю. Клянусь хранить память рода в словах, которые не сгорят. И если тьма придёт поглотить последний огонь, я возглашу гимн, что разбудит самих духов.

Рогволд кивнул. В горле у него встал ком. Не от холода. От той пронзительной любви, что бывает только между теми, кто знает цену каждому шраму друг на друге.

– Тогда да будет так, – он поднял Секиру, и лезвие вспыхнуло холодным голубым сиянием. – Кровью и льдом. Словом и делом. Мы – едины. Пока стоит Каменный Волк, пока дышит тундра, пока бьётся сердце хоть в одном из нас – Дом Волчьих Клыков не падёт.

И в тот же миг земля содрогнулась.

Не грубо, а мягко, словно пробудился и потянулся великий зверь под толщей льда. Снег вокруг них заискрился мириадами крошечных огней. Из-под камней, со скрипом, пробились тончайшие нити ледяных кристаллов, сплетаясь в узор, удивительно похожий на цепочку волчьих следов.

– Смотрите... – прошептал Мстислав.

Прямо перед ними, из самого льда, выросла причудливая арка. В её сердцевине мерцал овальный портал, сквозь который лился свет – не солнечный, не лунный. Холодный, серебристый, свет вечного льда.

– Врата? – ахнула Забава.

Рогволд сделал шаг. Инстинкт вождя кричал: «Стоп!». Кровь Рюриковичей шептала: «Иди». Он протянул руку. Пальцы коснулись поверхности – гладкой, как стекло, но живой, пульсирующей в такт его собственному сердцу.

– Здесь... – он сглотнул. – Здесь пахнет кровью предков. И чем-то... чужим. Тем, что ждало именно нас.

Брячислав нахмурился:

– Если это ловушка, встретим её вместе.

Мстислав уже натягивал тетиву:

– Врата открыты. Значит, кто-то или что-то зовёт нас внутрь.

Забава закрыла глаза. Её губы зашевелились, произнося старинное заклинание – не громовое, а тихое, как шорох снежинки о снежинку. И арка засветилась ярче, а в воздухе поплыли образы: волчья стая, несущаяся сквозь кромешную метель, ледяной трон, и на нём – фигура в плаще, чьё лицо скрыто. И последнее: рука, протянутая к Ледяному Сердцу, которое цело и сияет, как новая звезда.

– Это видение, – выдохнула Забава. – Оно ведёт нас. Но показывает и цену.

Рогволд сжал рукоять секиры до хруста в костяшках. Решение пришло само – потому что за его спиной стояли те, кому он только что поклялся. Кто поклялся ему.

– Мы идём, – сказал он твёрдо. – Не как князь со свитой. Как брат и сестра. Как Волчьи Клыки.

И первым шагнул в сияющую хлябь. За ним, не колеблясь

ни мгновения, последовали остальные.

Ветер снова взвыл, замечая их следы. Каменный Волк за- тих, будто затаив дыхание. А далеко-далеко, в немых глу- бинах тундры, начало шевелиться нечто, спавшее веками. Нечто, что ждало именно их: четверых, скреплённых клят- вой, кровью и страшной, прекрасной силой своего рода.

ЗА ВРАТАМИ ЛЬДА

Мир не обрушился – он растворился. Шагнув в пульсиру- ющую сердцевину арки, братья и сестра ощутили, как плоть земли, воздух и само время рассыпались на мириады ледя- ных искр. Не стало верха, низа, не стало тела – лишь вихре- вое пиршество холода и абсолютной, давящей тишины. И в этой тишине, будто доносясь из-за толщ нерождённых эпох, звучали обрывки песен, на которых клялись первые князья, и шёпот имён, стёртых из памяти даже ветром.

Когда сознание вернулось, вцепившись в реальность, они стояли на Замёрзшем Пути.

Тропа из прозрачного, как слеза, голубого льда висела в пустоте, уходя в молочную даль. Под ногами – бездна, на- полненная клубящимся, живым туманом. А впереди, на са- мом краю мира этого мира, высился Ледяной Трон. Тот са- мый, что явился им в видении. Он был похож на кристалли- зовавшуюся бурю, на застывший в момент падения ледник, принявший форму власти.

– Это... не наша земля, – выдохнул Мстислав, и его го-

лос, привыкший к вою вьюг, здесь звучал чужо, глухо. Он втянул носом воздух – стерильный, без запаха хвои, крови и дыма. – Здесь нет жизни. Только... ожидание. Глубокое, как эта пропасть.

Брячислав с такой силой сжал рукоять секиры, что кожа на костяшках побелела.

– Если это ловушка – мы её вырвем. Если испытание – пройдем. Как делали всегда.

Забава медленно опустилась на колени и коснулась ладонью ледяной глади. Там, где легли её пальцы, лёд ожил: тончайшие, как паутина, нити инея поползли от её прикосновения, сплетая хрупкий, сияющий узор.

– Оно дышит, – прошептала она. – И помнит. Помнит нашу кровь. Зовёт её.

Рогволд лишь кивнул. В груди его бушевало странное, двойное чувство. Гнетущий трепет перед неизвестным и... тихая, глубокая ностальгия. словно он наконец-то вернулся в дом, который покинул так давно, что успел забыть о его существовании.

Первое испытание: Три Лица Пути.

Тропа перед ними вдруг раскололась. Не треснула, а именно разошлась, как расходящиеся в разные стороны лепестки ледяного цветка.

· Прямо – идеально гладкая, отполированная дорога. Она сияла холодным блеском, маня лёгкостью, суля быстрый и верный путь.

· Налево – тропа, усыпанная осколками кроваво-алого льда. Каждый кристалл будто пульсировал изнутри, и от всей дороги веяло болью и жаром посреди всеобщего холода.

· Направо – путь, тонущий в плотном, серебристом тумане. И из этой пелены доносился едва уловимый шёпот, вплетавшийся в самую душу: «Иди сюда... Спаси нас... Спаси род...»

– Распутье, – глухо произнёс Рогволд. – Сердце всякой правды и всякой лжи.

Брячислав, не раздумывая, сделал шаг к гладкой дороге.

– К чему петлять? Идём напрямик, к трону!

Но Мстислав резко схватил его за плащ:

– Стой! Присмотрись! – Он указал на сияющую поверхность. В её глубине, будто под толщей чистейшего стекла, метались тени. Силуэты волков с пустыми глазницами, застывшие в вечном, бесцельном беге. – Это путь для тех, кто сбросил с себя память и боль. Кто забыл, кто он. Он ведёт в никуда.

Забава закрыла глаза, и с её губ сорвалась тихая, древняя строфа, звучащая как наказ предков:

«Лёд зеркален, но отраженье лжёт.

Кто шагнёт на зеркало – навек уснёт».

Рогволд наблюдал за теньями. В их беге не было ярости, не было цели. Было лишь пустое отчаяние.

– Он прав, – сказал князь. – Это путь отречения. Но наша сила – в нашей боли. В том, что мы помним. Идём налево.

Они ступили на дорогу из алых кристаллов.

Каждый шаг отдавался в ступнях колющей, живой болью. Но это была не просто физическая мука. С каждым вонзившимся осколком в сознание врывались воспоминания, острые и яркие:

· Душная теснота зимней юрты. Рука отца, делящая последний, жилистый кусок оленины на четверых. Его голос, хриплый от усталости: «Кровь – едина. Голод – общий».

· Первая охота Брючислава. Его дрожащая рука, сорвавшийся лук, и вот уже стая голодных волков смыкает кольцо. Крик Рогволда, бросающегося вперёд с одним лишь ножом.

· Ночь похорон Матери. Забава, совсем ещё девочка, поющая над замёрзшим телом колыбельную, которую та пела им. Снег, беззвучно поглощающий её горячие, тут же леденевшие слёзы.

Боль резала их. Стыд, страх, горе – всё всплывало наружу. Но они не останавливались. Они впитывали эту боль, сжимали её в кулаках, делали частью себя. Это не было испытание на прочность. Это было напоминание: кто они. И за что дерутся.

Второе испытание: Голос в Бездне.

Тропа из алых кристаллов привела их на круглую ледяную платформу, в центре которой возвышался Трон. На нём сидела Фигура, закутанная в плащ, сотканный из миллиардов мерцающих снежинок. Её лицо скрывала глубокая тень, но в руках, сложенных на коленях, она держала осколок. Он был

мал, не больше кулака, но в его глубине пульсировал тот самый, знакомый по легендам, тусклый голубой свет. Осколок Ледяного Сердца.

– Вы пришли, – произнёс Хранитель. Его голос был лишён тембра – лишь сухой, безэмоциональный треск ломающегося льда. – Потомки Рюриковичей-Снежных. Носители древнего холода.

Рогволд выступил вперёд, заслоняя собой сестру и братьев:

– Назови себя. Или я смету тебя с этого поддельного престола.

– Я – Хранитель Последней Зари. Я стерегу этот путь с тех пор, как свет покинул ваши земли. Я – память о том, что было до Зимы.

– Зачем ты привёл нас сюда? – вскипел Брючислав. – Мы не за сокровищами! Мы ищем способ выжить!

– Выживание – следствие понимания, – парировал Хранитель. – Ваш род пал не от кинжала в спину. Он пал от забвения. Ледяное Сердце – не меч для завоеваний. Это – весы. Оно дарило власть над холодом, но требовало платы. Не данью, не золотом. Жертвой.

Мстислав вздрогнул, будто от удара:

– Жертвой? Чьей?

– Вашей, – холодно ответила Фигура. – Каждого из вас. Ваша боль, ваша верность, ваша готовность положить жизнь за род – это топливо для его биения. Вы уже платите. Но что-

бы восстановить Сердце, чтобы заставить его биться вновь и сбалансировать мир, нужен иной акт. Добровольный отказ.

Забава побледнела так, что стала похожа на призрака:

– Отказ от чего?!

– От силы, что она дарует. От права на власть. От самого имени Рюриковичей-Снежных. От всего, что делает вас князьями, а не просто людьми.

Распутье воли.

Хранитель медленно поднялся с трона. Он протянул руку с осколком к Рогволду.

– Возьми. Прими бремя предков. Стань новым князем, собери земли. Но знай: твоё правление будет висеть на волоске. Одна ошибка, одна слабость – и ты падёшь, как пал Святозар. Или... – он сделал паузу, и треск в его голосе стал угрожающим, – ...отбрось это. Откажись. И пусть Дом Волчьих Клыков станет просто кланом выживших в мёрзлой пустыне. Без прошлого. Без будущего. Без славы.

Брячислав зарычал, выставляя секиру:

– Безумие! Без имени, без власти нас растопчут! Южане, банды, сама зима!

Мстислав молчал. Он смотрел не на осколок, а на лицо Рогволда. В его глазах читался не страх потери власти, а ужас от мысли, что они могут перестать быть ими. Тем особенным, сплочённым целым.

И тогда Забава положила свою маленькую, тонкую руку на закованную в кожу и сталь ладонь брата.

– Рогволд... – её голос был тише шороха снежинки. – Помнишь слова отца? Он говорил у огня, когда мы были малы. «Настоящая крепость – не в стенах изо льда. Она – здесь». И он прикладывал руку к своей груди. «В сердце, что не боится показаться слабым».

Рогволд закрыл глаза. Перед ним, ярче любого видения, пронеслись не картины величия, а простые, жёсткие, тёплые мгновения: его собственная клятва отцу – охранять род любой ценой; Брячислав, задыхающийся в дыму, вытаскивающий на плечах двух малолетних племянников из горящей юрты; Мстислав, не отходящий три дня от постели умирающего старейшины, шепчущий ему на ухо старые истории, чтобы тот не сбился с пути в царство мёртвых; Забава, чья песня в ночь Великой Вьюги заставила кружащих над стойбищем ледяных духов... замереть и слушать.

И он понял. Их сила никогда не была в этом блестящем осколке. Их сила была в этом всем. В этой безумной, нелогичной, животной связи. В готовности быть слабыми друг перед другом, чтобы быть неодолимыми для мира.

Решение.

Рогволд открыл глаза. В них не было сомнения. Он посмотрел на Хранителя, потом на осколок, потом – на каждого из своих родных.

– Наш род не в имени. Не в кристалле. Он – в нас. В том, что мы есть, и в том, что мы помним.

Он не взял осколок. Он разжал ладонь, которую уже сжи-

мал в готовности принять дар.

– Мы отказываемся. Не от нашей крови. От её проклятия. Пусть Дом Волчьих Клыков живёт не как княжеская династия. Пусть живёт как семья.

Осколок, будто ожидавший лишь этого, выпал из руки Хранителя. Он не упал – он рассыпался в воздухе, превратившись в сверкающую пыль, которая тут же утасла.

Хранитель... улыбнулся. Тень на его лице дрогнула, и на миг показалось, что под ней нет ни злобы, ни коварства – лишь бесконечная, усталая печаль.

– Мудрый выбор, потомки, – прошептал он, и его голос стал тихим, как дуновение. – Первый за многие века... Теперь вы готовы. К настоящему пути.

Лёд под их ногами вздрогнул. Платформа, трон, сам Замёрзший Путь начали рушиться, осыпаясь в бездну. Но падения не случилось. Они ощутили не падение, а вознесение. Будто тяжкие доспехи власти и ожиданий с них спали, и они стали легче пуха, частью самой ледяной стихии.

Когда мир снова обрёл форму, они стояли на твёрдой, знакомой земле. На вершине Каменного Волка. Над их головами, разрывая сплошную пелену туч, пробивался рассвет. Не бледный призрак, а яростная, золотая полоса настоящего, живого солнца. Первого за пятьдесят лет.

Брячислав охнул, а затем разразился хриплым, счастливым смехом, хватая Рогволда в охапку.

– Ты – безумец! Полный, беспросветный безумец! Но кля-

нужь духами... – его голос внезапно осек, стал хриплым, – ... я никогда не гордился тобой так, как сейчас.

Мстислав не сказал ничего. Он просто смотрел на светлое небо, и на его обычно суровом лице расцвела тихая, почти детская улыбка. Улыбка обретения. Не власти – свободы.

– Теперь, – произнёс он очень тихо, – теперь мы можем просто жить.

И тогда запела Забава. Не колыбельную, не плач. Песню Утра. Её голос, чистый и мощный, подхватил первый луч солнца и понёс его над спящей тундрой. И там, где падали её ноты, из-под векового снега робко пробивались первые, изумрудные ростки прошлогодней травы.

А далеко-далеко, в самом сердце рухнувших земель, в глубине молчавшего полвека Центрального Дворца, Ледяное Сердце – не осколок, а целое, – сделало свой первый, робкий удар. Не громкий, не властный. Тихий, как эхо. Как сердцебиение мира, который наконец-то, после долгого кошмара, начал пробуждаться ото сна.

ШЁПОТ ДРЕВНИХ ДУХОВ

Но покой, принесённый рассветом, оказался хрупким, как первый весенний лёд. Он не усыпил бдительность мира, а лишь высветил новую расстановку сил: Дом Волчьих Клыков более не княжество. Отныне он – просто клан. Его крепость – не ледяные стены, а сплетённые воедино воля четы-

рѣх сердец.

Мир, однако, не собирался считаться с их внутренним выбором.

На третий день после возвращения к лагерю примчался гонец. Его конь пал за версту от стойбища. Сам вестник, с лицом, обмороженным до синевы, рухнул к ногам Рогволда, выдыхая слова с кровавыми пузырями на губах:

– Южане... В походе... Влада... ведёт их... Требуют «священные реликвии»... Говорят, вы укрываете осколки Сердца...

Брячислав ударил кулаком по столбу, так что тот треснул:

– Они осмелились?! Мы всё отдали! У нас нет ничего! Какой им ещё повод?!

– Повода им не нужно, брат, – тихо, но твёрдо сказал Мстислав, всегда слышавший не слова, а скрытые мотивы. – Им нужно оправдание. Для своих, для истории. Чтобы показать: они – сила, а мы – дикари, которых нужно усмирить.

Забава не произнесла ни слова. Она сидела, перебирая струны своей костяной арфы, найденной в руинах святилища. Инструмент отзывался тихим, тревожным гулом – будто отзвук далёкой, но неотвратимой бури.

– Духи тундры не спят, – прошептала она, глядя в пустоту. – Они встревожены. Шепчут мне на ухо: «Скоро. Скоро лёд встретится с огнём. И от их поцелуя родится либо новая жизнь, либо пепел».

На вершине Каменного Волка, под ещё не привычным

взглядом настоящего солнца, собрались все: старейшины с лицами, как дублённая кожа; воины с руками, привыкшими к топору; охотники с глазами, видящими след за три версты. Все смотрели на Рогволда. Уже не как на князя, данного богами, а как на первого среди равных. На старшего брата стаи.

– Мы не дадим им боя, – объявил Рогволд. Его голос был спокоен, но в нём звучала сталь. – Не опустимся до их игры. Не дадим им права называть нас дикими зверями, жаждущими крови.

Брячислав вспыхнул, как смольный факел:

– Они придут с закалёнными клинками и панцирями! Как мы защитим стариков и детей? Песнями?!

– Защитим иначе, – парировал Мстислав. Его взгляд был устремлён куда-то внутрь, в тот мир, куда он умел уходить. – Я пойду к ним. К духам. Попрошу знака. Если они с нами – сама тундра встанет стеной между нами и врагом.

Забава подняла арфу:

– А я спою Песню Завета. Ту, что пели наши праматери у колыбелей. Если в нашей крови ещё тлеет искра силы Рюриковичей – она отзовется. Не для войны. Для защиты.

Рогволд кивнул, его взгляд скользнул по родным лицам.

– Да будет так. Мы попробуем их путь. Путь силы духа, а не клинка. Но... – его рука легла на рукоять Секиры Ветра, и в его глазах вспыхнул тот самый, волчий, холодный огонь, – ...если они переступят черту, тронут хоть одного нашего ребёнка... Мы встретим их. Не как князя. Как волки, защи-

щающие своё логово.

Мстислав ушёл на рассвете. С собой взял лишь нож, мех с талой водой да кость предка – почерневшую от времени реликвию, что веками передавалась в их роду как залог связи с незримым миром.

Три дня и три ночи он блуждал по белой пустыне, взывая не к молитвам, а к именам: к Хозяину Вьюг, что гонит стада облаков; к Матери Льда, в чьём чреве спят забытые реки; к Духу Белого Волка, первому из первой стаи. И на третью ночь они ответили.

Небо над тундрой расколола не молния – зелёная трещина, из которой хлынул свет, от которого не становилось светлее, лишь страшнее. Снег зашевелился, вздыбился, будто под ним извивался гигантский змей. И из-под наста поднялись они. Тени в доспехах из векового льда, с копьями из сосулек и глазами – холодными голубыми пламенами.

– Ты звал, Потомок, – проскрежетал голос Хозяина Вьюг. – Зачем тревожить наш сон у края мира?

Мстислав склонил голову, но не в страхе – в уважении.

– Чтобы защитить тех, кто ещё дышит. Чтобы память о нашей земле не умерла под солдатским сапогом.

Духи переглянулись беззвучным совещанием. Мать Льда протянула руку. На её ледяной ладони лежал ключ. Не железный, не золотой. Ледяной, пронизанный изнутри мерцающими рунами, которые пульсировали, как жилы.

– Этот ключ отпирает Пещеру Застывших Снов, – сказа-

ла она голосом падающей сосульки. – Там спят те, кто пал в Первой Распре, когда юг впервые пошёл на север. Их сила заморожена. Их гнев – усыплён. Если ты докажешь, что достоин быть их голосом, их ярость станет твоей. Но знай, мальчик: разбудив духов войны, ты не остановишь битву. Ты начнёшь её. И конца ей, возможно, не будет.

Тем временем к рубежам владений Волчьих Клыков, отмеченным лишь тотемами из камня и кости, подошло войско. Во главе – княжна Влада, дочь Милавы. Юная, прямая как пика, в золочёных доспехах, сверкавших в блеклом свете. В её глазах горела не жажда крови, а холодная уверенность миссионера, несущего «благо цивилизации» тёмным дикарям.

Она подняла к губам рупор из литой бронзы, и её голос, усиленный магией или просто металлом, прокатился над снегами:

– Внимайте, люди Севера! Выдайте похищенные реликвии, укрывающиеся в ваших землях! Сделайте это – и вы сохраните свои жизни и свою... дикую вольницу!

Рогволд вышел вперёд один. Не в доспехах. В простой походной одежде. За ним стеной стояла его дружина, а за ней – весь клан: женщины, прижимающие детей, старики с костяными посохами. В руке у Рогволда была не секира, а простая ветвь можжевельника – древний символ мира и переговоров.

– У нас нет ваших реликвий! – его голос, привычный перекрикивать бурю, был слышен без всяких рупоров. – Мы

отказались от них. Уходите с миром. И никто не будет знать горечи сегодняшнего дня.

Влада нахмурилась. В её уверенном взгляде что-то дрогнуло. Не страх. Сомнение. Ей почудилось в этом твёрдом, спокойном голосе что-то знакомое. Отголосок рассказов матери? Эхо чего-то более древнего?

– Отказ выдать святыни – признак слабости, – произнесла она, но было слышно, что слова эти уже не греют её душу. – А слабость перед лицом Короны должна быть наказана. Лучники!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.